

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ДОНЦОВ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА: «СУБИДЕОЛОГИЯ»

*О. Г. Усенко**

Объектом исследования является массовое сознание жителей Дона в период расцвета и заката Войска Донского как «вольного», политически автономного сообщества. Конечным хронологическим рубежом исследования выступает 1709 г. – время подавления Булавинского восстания и полного подчинения Дона Москве.

Под массовым сознанием разумеется совокупность психических черт, свойственных всем без исключения или же подавляющему большинству членов той или иной общности. Изучение данного комплекса наиболее эффективно, если человеческая психика рассматривается, во-первых, как сплав мышления (рационального), переживаний (эмоционального) и деятельности (поведения), а во-вторых, как единство бессознательного и осознанного¹.

В составе массового сознания выделяются психические феномены, отражающие и «обслуживающие» общественно-политическое бытие людей. Эти феномены можно обозначить с помощью термина «социально-политический ментальный комплекс» и представить как систему из двух уровней – «идеологического» и «субидеологического» (как единство идеологии и «субидеологии»). На обоих уровнях встречаются как ясно осознаваемые и наглядно представленные феномены (взгляды, идеи, воззвания, учения, теории, эмоции, умонастроения), так и феномены, которые хранятся в подсознании (презумпции, установки, ориентации, стереотипы).

К идеологическому уровню относятся идейно-эмоциональные образования, посредством которых в массовом сознании напрямую обозначаются, оформляются и осмысляются социально-политические отношения и конфликты, которые непосредственно отражают интересы данной общности в целом или основных её страт.

Основными элементами идеологии представляются: 1) общепринятое понятие «Мы» («Свои»), отношение людей к себе как представителям конкретного сообщества и носителям определённых социальных статусов, 2) массовые представления о «Чужих», а также о «врагах» и «союзниках» среди них – актуальных и потенциальных, как внутри страны, так и за её пределами, 3) отношение к верховному правителю и его ближайшему окружению (правительству), 4) нормы и традиции политической деятельности – как в «мирные», так и «смутные» времена, 5) представления, мнения и чаяния (ожидания-надежды) о существующем и желательном устройстве общества; 6) религиозные идеи и доктрины, получившие политическую окраску и ставшие на время злободневными².

* Усенко Олег Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета.

¹ Подробнее см.: Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М., 1999. – С. 23–77.

² Идеологии донцов XVII – начала XVIII в. будет посвящена отдельная работа.

В «субидеологию» зачисляются идейно-эмоциональные образования, которые составляют исходную базу, глубинную основу общественно-политической деятельности больших групп людей, – те, что косвенным, опосредованным образом помогают людям осознавать свои потребности в виде интересов или хотя бы делают это осознание возможным, а также обуславливают поступки людей в ходе социально-политических конфликтов.

Имеются в виду: 1) взгляды на собственность, труд и богатство; 2) представления о справедливости и законности; 3) понимание равенства и неравенства, отношение к традициям и нормам социальной стратификации; 4) представления о социальном статусе человека, о сущности и роли авторитета; 5) те установки, ориентации, стереотипы мышления и поведения, которые помогают людям ориентироваться в социально-политической обстановке, действовать сообща в ходе конфликтов, планировать и оценивать свои действия; 6) установки, стереотипы и взгляды, составляющие «обыденную» основу религиозной веры, т. е. не получившие идейно-теоретического (богословского) осмысления.

Хотя речь в статье пойдёт прежде всего о казаках, т. е. о полноправных жителях Войска Донского, тем не менее в поле зрения будут находиться и другие, низшие категории тамошнего населения – «голытьба» и «бурлаки»³, сознание которых в интересующем нас аспекте скорее всего мало чем отличалось от сознания казаков.

Для большинства неполноправных жителей Дона обычаи и традиции казаков были если не «родными», то, по крайней мере, психологически близкими, актуальными и желанными. Дело в том, что в XVII – начале XVIII в. каждый «новопришлый» находил на Дону уже сложившуюся систему управления и военной организации, готовые нормы и принципы общежития. Единственное, что он мог сделать, если хотел остаться тут надолго, – это жить в соответствии с местными традициями, принять правила поведения, выработанные и охраняемые казаками. Резонно полагать, что у человека, твёрдо решившего осесть на Дону, происходила перестройка сознания – «социально-психологическая адаптация»⁴, без которой ему невозможно было достичь основной жизненной цели – «показаться»⁵.

Изучение массового сознания донцов будет основываться на анализе не только традиционно привлекаемых источников (документальных и личного происхождения), но также фольклорных текстов – произведений, которые, по мнению исследователей, возникли на Дону до 1709 г. или же были созданы казаками других областей, но бытовали среди донского населения в XVII – начале XVIII в.

³ См.: Усенко О. Г. Терпи, казак... // Родина. – 1993. – № 10. – С. 22–24.

⁴ Социально-психологическая адаптация – это один из этапов полной социализации, который способствует принятию и внутреннему одобрению индивидом норм той общности, в которую он отныне входит. «Она предусматривает активную личную позицию, осознание социального статуса, связанного с ним ролевого поведения как формы реализации индивидуальных возможностей личности» (Мальковская И. А. Традиционные и современные ценности и адаптация индивида к условиям модернизируемого общества // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984. – С. 112).

⁵ В связи с этим выглядят репрезентативными примеры из истории булавинского восстания, поскольку подавляющее большинство его участников составляли жители Дона (см.: Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – М.; Л., 1966. – С. 179–181). То же самое можно сказать и о примерах из истории первого этапа Разинского восстания – имеется в виду период с апреля по август 1670 г., когда движущими силами выступления были донцы (см.: Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. – Л., 1972. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 4, 12, 115–120, 137–138).

[с. 25]

В то время Войско Донское, будучи относительно автономным политическим образованием, являло собой один из вариантов традиционного социума, для которого в принципе характерны господство «устной культуры», доминирование обычного права и преобладание личного, живого общения в процессах коммуникации⁶.

В таком обществе важнейшей формой передачи/получения социально ценной информации и закрепления в сознании людей общезначимых норм является исполнение/слушание фольклорных произведений. Последние представляли собой сплав словесного повествования,

ритуализированных действий и коллективных переживаний⁷. При этом фольклор оказывался не только «зеркалом», но и «учебником» жизни – не только выражал присущее данной общности мировидение, но также воспитывал и направлял своих носителей, исподволь обучая их моделированию окружающего мира и способам его осмысления⁸. Модель мира, заложенная в произведениях устного народного творчества, «определяла набор оппозиций, служащих для воздействия на мир, правила их использования и их мотивировку», она «могла реализовываться в различных формах человеческого поведения и в результатах этого поведения», т. е. представляла собой «программу поведения для личности и коллектива»⁹.

Однако использование фольклора в качестве исторического источника требует учёта целого ряда обстоятельств. Общей особенностью фольклорных текстов является, во-первых, то, что они не представляют собой чего-то законченного и самодостаточного – это не заученная назубок и механически воспроизводимая последовательность слов. Каждое произведение устного народного творчества – это сиюминутная и оригинальная вариация типового набора представлений и мыслительных шаблонов, конкретное воплощение некоей схемы, в соотношении с которой оно только и может быть правильно понято. Обновление фольклорного текста по мере его бытования проявляется прежде всего в замене отдельных реалий (предметов быта, вооружения, общественно-политической лексики и т. д.). Что касается глубинного содержания, т. е. сюжетной структуры и концептуальной «начинки»¹⁰ произведения, то на этом уровне обычно происходит лишь перекодировка элементов (реалий) и перестройка их иерархии¹¹.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 3–11; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981. – С. 19–25, 32, 342–344.

⁷ См.: Байбурун А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 243–245.

⁸ См.: Раевский Д. С. О генезисе повествовательной мифологии как средства моделирования мира // Там же. – С. 66–68.

⁹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). – М., 1965. – С. 7.

¹⁰ Под концептуальной «начинкой» текста разумеется совокупность присутствующих в нём концептов. Концепт – это социокультурный ореол какой-либо реалии (объекта, явления или события), отражённой и закреплённой в сознании человека. См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 278, 618; Лагута (Алёшина) О. Н. Логика и лингвистика. – Новосибирск, 2000. – С. 32; Залевская А. А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001. – С. 30–34, 81–91.

¹¹ См.: Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. – М.; Л., 1966; Смирнов Ю. И. Былина «Иван Гостиный сын» и её южнославянские параллели // Русский фольклор. – М.; Л., 1968. – Т. 11. – С. 66.

[с. 26]

Во-вторых, надо учитывать и особенности фольклорного отражения социальной действительности. Так, былины, исторические песни и предания отличаются тем, что в центре внимания сказителя и слушателей находится поведение героя, а вот обстановка, его окружающая, и мотивы его поступков им почти не интересны. Обыкновенное и общеизвестное выносится в подтекст, в сферу подразумеваемого. Отсутствие объяснений и мотивировок в тексте произведения компенсируется тем, что они как бы сами по себе всплывают в подсознании исполнителя и его аудитории, т. е. люди домысливают необходимое на основе усвоенных ими групповых и/или массовых представлений, установок и стереотипов¹².

Поступки фольклорного героя подводятся под некую типичную схему, хранящуюся в памяти людей, вследствие чего эти поступки обретают смысл и ценностный статус¹³.

Итак, что же из себя представляла «субидеология» обитателей Дона в XVII – начале XVIII в.? Охарактеризуем сначала их взгляды на собственность, труд и богатство.

При феодализме, как известно, главной материальной ценностью является земля, пригодная для земледелия, скотоводства или охоты. Присущее донским жителям понимание земельной собственности определялось особенностями их социальной организации и хозяйствования.

«Вольное» Донское Войско представляло собой федерацию общин, первичными из которых были станицы. Именно станица как сообщество полноправных граждан (собственно казаков) была основным источником и гарантом индивидуального права на землю: земельный надел получал только член общины, выход же из неё или исключение из числа казаков означали потерю надела. Однако у индивида или отдельной семьи земля могла быть только в пользовании. Что же касается прав распоряжения и владения (которые вкупе с правом пользования и составляют структуру собственности как таковой¹⁴), то применительно к земле они распределялись между станицей и «Войском» – войсковой администрацией.

До начала XVIII в. желающие основать новый городок обращались за разрешением к «Войску», причём войсковой круг разрешал принять на выбранную для поселения землю лишь столько людей, сколько могло там прокормиться. Если речь шла о размежевании земель между соседними станицами, то его проводили представители с каждой стороны, однако «запись» об этом обязательно предоставлялась «Войску», от которого затем станицы получали «разводные грамоты»¹⁵.

Таким образом, надо говорить не просто о господстве общинной собственности на землю у жителей Дона в XVII – начале XVIII в., но и о том, что эта собственность была «раздробленной» или «иерархической».

Для донцов, как и для трудового населения России в целом, было характерно «трудовое» понимание земельной собственности. На взгляд казаков, границы их владений – как на уровне отдельной станицы, так и Донского Войска в целом – совпадали с пределами их трудовой, промыслово-хозяйственной колонизации.

¹² См.: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. – М., 1976. – С. 87, 90, 109, 114, 120; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М., 1967. – С. 12.

¹³ См.: *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Указ. соч. – С. 232.

¹⁴ См.: Большой юридический словарь. – М., 1997. – С. 87, 502, 580, 634; Свод законов Российской империи. – СПб., 1899. – Т. 10. – Ч. 1. – Ст. 423. – С. 27, 29–30.

¹⁵ *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли войска Донского. – Новочеркасск, 1903. – С. 382.

[с. 27]

Иначе говоря, обитатели Дона считали своими любые угодья, которыми они пользовались хотя бы время от времени, как бы далеко эти угодья ни лежали¹⁶.

Когда перед лицом внешних сил донцам было нужно обосновать своё право на те или иные земли, они ссылались на «казацкую обыкность» (систему обычноправовых норм), в соответствии с которой землевладение оформлялось и осуществлялось без документов – «без крепостей»¹⁷. Более того, казаки вообще не признавали документов на землю, если те не исходили от войсковой администрации или напрямую от царя.

Например, в начале XVIII в. между Донским Войском и Изюмским слободским полком шла борьба за соляные промыслы и угодья по рекам Бахмут, Красная и Жеребец. В принципе на эти земли больше прав было у жителей Изюмского полка, ибо они уже к 1700 г. владели ими «изстари», а в 1703 г. подкрепили свои притязания тем, что получили из Белгорода владетельную грамоту «по указу великого государя». Что же касается донских казаков, то они

появлялись на Бахмуте и соседних реках лишь «наездом», т. е. эпизодически, однако это не мешало им смотреть на спорные земли как на свои и прогонять с них изюмцев. Лишь после того, как в 1705 г. спорные земли были «отписаны на государя» и донские казаки получили соответствующий царский указ, они перестали «выбивать» конкурентов с этих земель¹⁸.

Важную роль в сознании жителей «Вольного Дона» играло стремление к личному обогащению на войне или в разбойном походе¹⁹.

До начала XVIII в. именно «военно-разбойный» способ обогащения считался на Дону наиболее престижным. Один из так называемых «заветов Ермака» гласил: «Землю, казаки, пахать нельзя, мы – воины! Станем землю пахать – паны появятся. Ловите рыбу, разводите скотину, ходите на гульбу, за зипунами»²⁰. И действительно, до начала XVIII в. донские казаки в большинстве своём избегали заниматься земледелием, предоставляя это занятие «новопришлым»²¹.

О том, какова была жизнь казака без войны и набегов, говорят пословицы «Добыть или дома не быть», «Долговать на Дону – закладать жену»²². При этом в донском фольклоре походы морем на турок или захват у них Азова рассматриваются как возможность не только пополнить войсковую казну и обогатиться лично, но и послужить царю²³. По преданию, Иван Грозный пожаловал Ермака и его товарищей Доном именно для того, чтобы они воевали с турками и татарами²⁴.

¹⁶ См.: Грамота Петра I от 14 октября 1704 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1844. – Т. 1. – С. 361–362; Булавинское восстание (1707–1708). – М., 1935. – С. 90–93.

¹⁷ См.: Грамота Петра I от 14 октября 1704 г. – С. 362; Греков А. М. К истории земельного вопроса на Дону, в связи с современным положением и решением его // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета (далее – СОВДСК). – Новочеркасск, 1907. – Вып. 7. – С. 72.

¹⁸ См.: Булавинское восстание (1707–1708). – С. 94–95; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 111. – Оп. 1. – 1706 г. – Д. 19.

¹⁹ См.: Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов н/Д., 1998. – С. 145–168.

²⁰ Ермак легендарный: Донские песни и предания. – Ростов н/Д., 1987. – С. 43.

²¹ Краснов Н. И. Исторические очерки Дона: от Разина до Булавина // Русская речь. – 1881. – № 1. – С. 96; Чаев Н. С., Бибикова К. М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание (1707–1708). – С. 13; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. – Ростов н/Д., 1961. – С. 81.

²² Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А. Фольклор Дона. – Ростов н/Д., 1941. – Сб. 2. – С. 97–98.

²³ См.: Савельев А. М. Сборник донских народных песен. – СПб., 1866. – С. 92, 114.

²⁴ См.: Ермак легендарный... – С. 37.

[с. 28]

Поэтому вполне объяснимы ноты уныния в казачьих песнях, описывающих ситуацию, когда из-за мер, предпринятых турками, невозможно «по синю морю гулять, зипунов доставать»²⁵ или же когда царь запрещает «казаковать» и плавает по Азовскому (Чёрному) морю сам, без донцов²⁶.

Впрочем, пиетет к царю не мешал донцам предпринимать самовольные, противоречащие планам российского правительства, походы против крымских и кубанских татар и турок²⁷.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. довольно частыми были столкновения казаков и с калмыками, кочевавшими близ границ Войска Донского. Главным казачьим трофеем были кони, овцы и крупный рогатый скот. При этом казачьи набеги далеко не всегда были вызваны враждебными действиями кочевников²⁸, которые, кстати, в 1608 г. приняли российское подданство и потом время от времени становились военными союзниками донцов²⁹.

Кроме того, донские казаки ходили в разбойные походы не только за пределы Российского

государства, но и внутри него – чаще всего на Волгу, где грабили как иностранцев, так и подданных московского царя³⁰. Пример донцам подавал эпический Ермак³¹. Так же вёл себя С. Разин – и реальный³², и легендарный³³.

Несмотря на то, что с 1627 г. походы «за зипунами» на Волгу были запрещены под страхом смертной казни, они по-прежнему имели место, разве что стали уделом главным образом бедных («молодых») казаков и «бурлаков»³⁴.

Нужно также заметить, что хотя грабежи на Волге могли совершаться одновременно с ведением боевых действий против «басурман» (так было, например, в 1623–1624 гг.³⁵), всё же особую значимость они приобретали тогда, когда донцы не могли или не имели права вести боевые действия с иноверцами и при этом испытывали нехватку продовольствия. Подобная ситуация имела место, к примеру, в 1666–1667 гг.³⁶, а также после 1696 г. – после перехода Азова к России.

²⁵ См.: Исторические песни XVII века. – М.; Л., 1966. – № 89.

²⁶ См.: Савельев А. М. Указ. соч. – С. 92–94; Исторические песни XVII века. – № 29, 155; Листопадов А. М. Донские исторические песни. – Ростов н/Д., 1946. – № 43.

²⁷ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.; Л., 1948. – С. 130–134; Мининков Н. А. Указ. соч. – С. 365–403, 479–497; Булавинское восстание (1707–1708). – С. 82–83.

²⁸ См., например: РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1674 г. – Д. 15; 1700 г. – Д. 1; Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 4989; Ф. 210. – Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). – Д. 323. – Л. 11, 178; Русская историческая библиотека. – Пг., 1917. – Т. 34. – Стб. 14; Крестьянская война под предводительством Степана Разина (далее – КВСР). – М., 1954. – Т. 1. – С. 239; Булавинское восстание (1707–1708). – С. 111, 401.

²⁹ См.: РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1665 г. – Д. 4; 1666 г. – Д. 1; КВСР. – Т. 1. – С. 30–31; Эрдниева У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. – Элиста, 1985. – С. 32, 39.

³⁰ См.: Мининков Н. А. Указ. соч. – С. 476–479.

³¹ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – М.; Л., 1960. – № 303, 306, 328, 329, 358, 359, 361, 363; Савельев А. М. Указ. соч. – С. 74–75, 77–78; Якушкин П. И. Сочинения. – СПб., 1884. – С. 404–405; Ермак легендарный... – С. 36–37, 43, 58, 79–80, 89; Тумилевич Т. И. Сибирский поход Ермака // Филологические этюды: Серия «Русская литература». – Ростов н/Д., 1974. – Вып. 2. – С. 141–142.

³² См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – М., 1954. – Т. 1. – С. 78, 107–108, 128, 135, 137.

³³ См.: Исторические песни XVII века. – № 143, 156, 161; Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Разине // Литература Советского Дона. – Ростов н/Д., 1969. – С. 305, 311; Якушкин П. И. Указ. соч. – С. 406–408.

³⁴ См.: Мининков Н. А. Указ. соч. – С. 477–479; Чаев Н. С., Бибилова К. М. Указ. соч. – С. 15.

³⁵ См.: РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). – №. 11. – Л. 9–13.

³⁶ См.: КВСР. – Т. 1. – С. 73, 81.

[с. 29]

Не случайно в 1700 г. «верховые» казаки вели разговоры о том, чтобы разорить Камышин (Дмитриевск), поскольку регулярные «высылки» из него (отправка воинских отрядов для патрулирования округи) мешали им грабить на Волге³⁷. Таким образом, казаки были готовы пойти на мятеж, лишь бы сохранить привычный и очень важный для них источник дохода.

Однако надо отметить, что стремление донцов к «разбойному» обогащению регулировалось и другими их представлениями о нормах общежития – в частности, мнением, что удачливый человек должен быть щедрым.

В 1670 г., в ходе антиправительственного восстания, С. Разин часть своих трофеев и пленных «басурман» регулярно отсылал на Дон, в Черкасск (там, очевидно, присланное «дуванилось» – делилось между казаками на «кругу»), а также одаривал всех, кто не был в составе повстанческого войска, но вызывал расположение у него лично или у других

повстанцев³⁸. Очевидец – Л. Фабрициус – отмечает, что после взятия разинцами Астрахани часть захваченных ими трофеев была выделена астраханскому митрополиту и князю С. Львову³⁹ – названному отцу предводителя восставших.

Кстати, донской эпос о С. Разине сообщает, что оставленные им клады предназначены «для мира», т. е. для употребления на нужды общества, и что они хранят «войсковое золото», т. е. богатство, переданное в собственность всех донских казаков: «Ценности – войсковые, и зарыл их Разин для нужды войска, коли она приключитца»⁴⁰.

Массовым представлением о кодексе поведения удачливого человека допускалось и демонстративное транжирство, пренебрежительное отношение к богатству, полученному на войне или на разбое.

Вот как, например, вёл себя С. Разин в 1669 г., после возвращения из Персидского похода: разгуливая по улицам Астрахани в сопровождении толпы зевак, он «разбрасывал дукаты и другие золотые монеты»⁴¹. В предании о захвате и грабеже разинцами Астрахани (1670 г.) победители, празднующие свою победу, «не столько пьют, сколько наземь льют»⁴². Наконец, уместно вспомнить и донскую поговорку «Казак коли не украдёт, так разобьёт»⁴³.

Демонстративное презрение к материальным ценностям входило в кодекс поведения донского казака ещё очень долго. Вот какой обычай был в ходу у «настоящих мужчин» Дона в конце XVIII в.: «Если при посторонних хотели повеличаться, то показывали пренебрежение к своему богатому наряду, и в бархате или атласе так же спокойно садились посреди грязной улицы, как на мягком ковре»⁴⁴.

Таким образом, столь свойственное донцам стремление к личному обогащению увязывалось в их сознании с представлениями о справедливости и законности, равенстве и неравенстве, социальном статусе и авторитете человека (см. ниже).

³⁷ РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1700 г. – Д. 11. – Л. 15.

³⁸ См.: КВСР. – Т. 1. – С. 151, 176, 190; М., 1957. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 20, 23; М., 1962. – Т. 3. – С. 124, 177.

³⁹ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – Л., 1968. – С. 57.

⁴⁰ См.: Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Разине. – С. 305, 315–316.

⁴¹ Стрейс Я. Я. Три путешествия. – М., 1935. – С. 202.

⁴² Якушкин П. И. Указ. соч. – С. 412.

⁴³ Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А. Указ. соч. – С. 100.

⁴⁴ Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. – Новочеркасск, 1892. – С. 34.

[с. 30]

* * *

Представления донских казаков о справедливости и законности до начала XVIII в. основывались на обычаях, традиции, а поскольку носителем традиции была община (в данном случае Войско целиком), то правовые представления донцов носили отпечаток «тотального коллективизма». Так как средневековая личность осознавала себя преимущественно путём самоотжествления с «родной» корпорацией⁴⁵, так как на Дону войсковые нормы и ценности были в буквальном смысле законами жизни для всех его обитателей, то индивидуальное понимание справедливости и законности практически полностью совпадало с её общепринятым (коллективным) пониманием.

Многие произведения донского фольклора содержали скрытое напоминание, что основа основ казацкого общежития – это принятие важнейших решений на «кругах» и выборность командиров⁴⁶.

С точки зрения донцов, практика созыва кругов и выбора на них атамана и его помощников отличала казаков от «воров» и «разбойников» и делала любые их мероприятия законными. Об этом, например, свидетельствует речь Ермака перед соратниками в одном из преданий: «Надо атамана выбрать. Без атамана, есаула мы вроде шайки разбойников»⁴⁷. Легендарные Ермак и С.

Разин считают нормальным нападать на российские корабли и торговые караваны, если это санкционировано решением казачьего круга⁴⁸.

На Дону в XVII – начале XVIII в. главенствовал принцип «Решение круга – закон для всех и каждого». Согласно этому принципу решения, оформленные или преподносимые как воля всей общины – станицы ли, Войска ли в целом, – были обязательны для всех донцов без исключения, пусть даже эти решения противоречили чьим-либо личным интересам и даже ставили под угрозу само существование того или иного человека⁴⁹.

Так, при выборах командиров, посланников или войсковых представителей, как правило, самоотвод не допускался, и тех, кто не хотел согласиться с решением круга, заставляли сделать это силой – в буквальном смысле слова.

Взять, например, выборы командиров участниками восстания под предводительством К. А. Булавина. Источники отмечают, что в марте 1708 г. на круге в Пристанском городке Булавин «полковников и знаменщиков выбрал неволею», причём одного из кандидатов (И. Шуваева) даже бил за то, что тот не желал быть «полковником». В результате избранник занял-таки предложенный пост⁵⁰.

Своеобразное понимание справедливости и законности диктовало донцам и другие поступки в ходе вооружённых выступлений.

Так, они давали клятвы «стоять друг за друга и помереть всем заодно». Нарушителей подобной клятвы полагалось наказывать без пощады. За примерами можно обратиться к истории разинского движения⁵¹.

⁴⁵ См.: *Кон И. С.* Открытие «Я». – М., 1978. – С. 174–175, 178.

⁴⁶ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – № 337–345.

⁴⁷ Ермак легендарный... – С. 28.

⁴⁸ См.: Ермак легендарный... – С. 36–37, 43, 58, 79–80, 89; *Тумилевич Т. И.* Сибирский поход Ермака. – С. 141–142; *Тумилевич Ф. В.* Донской эпос о Разине. – С. 305, 311.

⁴⁹ См.: *Щелкунов С. З.* Преступления против «войска» по древнему казачьему праву // СОВДСК. – Новочеркасск, 1908. – Вып. 8. – С. 166–168.

⁵⁰ См.: Булавинское восстание (1707–1708). – С. 168–169, 378.

⁵¹ КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 211; Т. 3. – С. 219–220, 246–249.

[с. 31]

Сознавая себя защитниками правого дела, восставшие донцы считали вполне естественным применять силу и угрозы для пополнения своих рядов. В результате люди иногда поддерживали повстанцев из чувства страха.

Многие из тех, кто попадал в войско С. Разина, формально шли туда по своей воле. Но фактически у людей не было выбора – отказ идти на «службу великому государю» был равносителен подписанию себе смертного приговора⁵².

Однако можно заметить, что насильственный набор в повстанческое войско преобладал тогда, когда повстанцы терпели поражения или чувствовали себя недостаточно уверенно перед лицом противника. Об этом свидетельствует история разинского движения⁵³, неудачного восстания донских казаков в апреле 1682 г.⁵⁴, а также выступления под предводительством К. Булавина⁵⁵.

Когда же повстанцы были уверены в своих силах, они предлагали присоединиться к ним лишь тому, кто сам этого хотел, и не очень переживали, если «охотников» оказывалось мало.

Например, К. Булавин, имевший под рукой несколько тысяч человек, в начале апреля 1708 г. звал к себе девятерых тамбовских «станичников» (городовых казаков). Их только уговаривали, и когда один из них перешёл к восставшим, остальных отпустили восвояси⁵⁶. Сходным образом поступил булавинский атаман Н. Гольий, когда разбил карательный полк И.

Бильса. Из числа солдат и работных людей, сопровождавших полк, с повстанцами остались только желающие, прочих же восставшие «роспустили врознь»⁵⁷.

Сообразно с представлениями о справедливости и законности поступали восставшие донцы и со своими врагами из числа власть имущих. Ненависть не застилала казакам глаза, не приводила к огульным расправам со всеми, кто принадлежал к привилегированным сословиям. Повстанцы пытались соблюдать некие формальные процедуры, соответствовавшие их правовым представлениям.

Судьба знатных особ и должностных лиц, изначально не включённых в повстанческий «чёрный список», зависела прежде всего от того, «добры» они или нет.

Иногда донские казаки могли сами дать подобную характеристику тому или иному лицу, исходя из своего личного опыта.

В 1670 г. разинцы не трогали тех, кто встречал повстанцев хлебом-солью или переходил на их сторону⁵⁸. В частности, С. Разин сохранил жизнь черноморскому воеводе, который встретил его с большими почестями⁵⁹. Во время булавинского восстания судьбу арестованных офицеров и подьячих решал «круг», и характер наказания напрямую зависел от степени виновности подсудимого, т. е. от того, сколь рьяно он боролся против повстанцев. Многие из арестованных отделялись лишь страхом⁶⁰.

Если же казаки с обвиняемым лично не сталкивались, то они опирались на «голос народа».

⁵² См.: КВСР. – М., 1959. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 26, 36, 96.

⁵³ Там же. – Т. 1. – С. 196, 221; Т. 2. – Ч. 1. – С. 20, 30, 52, 62, 91, 252, 285, 358, 376, 423; Т. 3. – С. 34, 55.

⁵⁴ КВСР. – Т. 3. – С. 376.

⁵⁵ Булавинское восстание (1707–1708). – С. 170, 438, 443.

⁵⁶ Там же. – С. 185.

⁵⁷ Там же. – С. 339, 343; Донесение Петру I Петра Апраксина (28 апреля 1709 г.) // Труды Саратовской Учёной Архивной Комиссии. – Саратов, 1912. – Вып. 29. – С. 83.

⁵⁸ См.: КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 541; Т. 3. – С. 83.

⁵⁹ Там же. – Т. 1. – С. 231.

⁶⁰ См.: Булавинское восстание (1707–1708). – С. 176, 182, 205, 263–264, 438.

[с. 32]

Например, С. Разин внимательно прислушивался к отзывам людей, которые характеризовали обвиняемых как «добрых»⁶¹. В то же время он и его соратники, прежде чем казнить схваченного дворянина или офицера, предварительно убеждались, что тот, на взгляд народа, был «недобрым»⁶².

Далее, в массовом сознании донских казаков присутствовало убеждение, что под их юрисдикцию попадают все, кто находится на территории Войска Донского, – даже дипломаты.

Здесь уместно вспомнить о казни в 1630 г. царского посла И. Карамышева, который был осуждён за то, что угрожал казакам разорить их городки⁶³. Тут можно также вспомнить исторические песни, герои которых самолично или по решению круга казнят иноземных и царских послов, превысивших свои полномочия или же демонстративно выказавших пренебрежение к донским обычаям⁶⁴.

Помимо этого, фольклорные тексты, бытовавшие на Дону в XVII - начале XVIII в., исподволь закладывали в сознание местных жителей установку на беспрекословное подчинение атаманам, доказывая на легендарных примерах, что такое послушание в любом случае – благо.

В песнях атаман зовётся «батюшкой» и «надёжей», причём указывается, что он плохого или глупого не посоветует⁶⁵. Легендарный Ермак позволяет себе рукоприкладство по отношению к своим сподвижникам⁶⁶. При этом для преданий о нём характерно следующее: «В том случае,

когда Ермак превышает свои права, осуждается не атаман, а казаки-смутьяны за слабость духа, недалёковидность»⁶⁷. Почитание атамана отразилось также в пословице «Артель атаманом крепка»⁶⁸.

Особенностью правосознания донских казаков было также то, что они считали, будто преступление (исключая «измену») может быть заглажено, искуплено добрыми делами.

Так, на примерах легендарных героев донской фольклор внушал и обосновывал мысль, что даже в случае монаршего гнева разбойник может заслужить прощение, принеся царю повинную и совершив ряд подвигов. Несмотря на то, что Ермак с товарищами грабил на Волге, убил царского (вариант – персидского) посла, он всё же, присоединив к владениям российского государя новые земли, получает от него прощение и в придачу великий дар – «Тихий Дон с вершины до устья»⁶⁹. Уверенность в том, что разбойник может получить прощение, повинившись перед царём и «послужив» ему, воплощают и фольклорные произведения о С. Разине⁷⁰. Кстати, такую уверенность разделял и С. Разин реальный, исторический⁷¹.

⁶¹ См.: КВСР. – Т. 1. – С. 236; Т. 2. – Ч. 1. – С. 91, 541.

⁶² Там же. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 14-15.

⁶³ См.: *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917). – Белград, 1934. – С. 75, 87; *Мининков Н. А.* Указ. соч. – С. 480–484.

⁶⁴ См.: *Савельев А. М.* Указ. соч. – С. 74, 87–89; Исторические песни XIII–XVI вв. – С. 679; *Листопадов А. М.* Указ. соч. – С. 15–16.

⁶⁵ См.: Исторические песни XVII века. – № 100, 101, 157.

⁶⁶ См.: Ермак легендарный... – С. 80.

⁶⁷ *Тумилевич Т. И.* Предисловие // Ермак легендарный... – С. 11.

⁶⁸ *Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А.* Указ. соч. – С. 95.

⁶⁹ Исторические песни XIII–XVI вв. – № 328, 329, 359, 367; *Савельев А. М.* Указ. соч. – С. 74–75, 77–78; *Якушкин П. И.* Указ. соч. – С. 404–405; *Тумилевич Т. И.* Сибирский поход Ермака. – С. 141–142; Ермак легендарный... – С. 21, 37, 54, 81–82.

⁷⁰ См.: Исторические песни XVII века. – № 161; *Якушкин П. И.* Указ. соч. – С. 408.

⁷¹ См.: КВСР. – Т. 1. – С. 145, 149, 155.

[с. 33]

Уже говорилось, что герои донского фольклора, в том числе Ермак и С. Разин, разбивают корабли не только иноземных, но и российских купцов, причём даже перед государем не боятся признаться в этом. Но вот что важно: казаки оправдываются тем, что грабили только «купцов-подлецов» – тех, кто не заплатил царю «дани-пошлины» и чьи корабли поэтому были «не орлёные» (без царского герба)⁷².

Наконец, нужно отметить, что представления донских казаков о справедливости и законности позволяли им в ходе выступлений социального протеста «бить и грабить» всех, кто к ним не приставал⁷³. При этом второе из указанных деяний чаще всего было не грабежом в собственном смысле этого слова, а конфискацией незаконно нажитого имущества с последующим дележом его «всем миром».

Так, сбор трофеев, подлежащих «дувану» (дележу) после взятия разинцами Астрахани (1670 г.), проводился не стихийно, не «грабительски», но организованно, «порядочно», и не во время штурма, а после него. Основная масса повстанцев город покинула, оставив лишь есаулов, сотников и «знатных казаков» (последние выбирались жребием по одному из каждого «десятка»). Источник повествует: «И как де выслали ясаулы казаков из городов (имеются в виду астраханский кремль и посад. – *О. У.*), тогда астраханцов дома разорили и животы пограбили и изо обеих городов животы за город на стан в курени для дувану вывозили»⁷⁴.

Впрочем, о казачьих «дуванах» уместнее говорить, рассматривая свойственное донцам понимание равенства и неравенства, отношение к традициям и нормам социальной стратификации.

В историографии распространено мнение, что в России XVII–XVIII вв. представления о равенстве у народных масс, в том числе и у донцов, носили уравнилельный, «примитивно-демократический» характер. Многие исследователи говорят об идеях «всеобщего равенства», которыми-де руководствовались донские казаки. При этом историки чаще всего ссылаются на практику «кругов», которые были основной формой самоуправления на Дону и в ходе антиправительственных выступлений с участием донцов, а также на практику «дуванов», где добыча якобы распределялась поровну⁷⁵. Впрочем, некоторые авторы считают, что понимание равенства народными массами вообще и донцами в частности не подразумевало уравнилельности⁷⁶.

⁷² См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – № 306, 361, 363; Исторические песни XVII века. – № 161; Савельев А. М. Указ. соч. – С. 74.

⁷³ См.: КВСР. – Т. 1. – С. 104–105; Т. 3. С. 395; Булавинское восстание (1707–1708). – С. 190, 249–250; Подъяпольская Е. П. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. – 1960. – № 6. – С. 127; РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 1. – Оп. 2. – Кн. 18. – Ч. 1. – Л. 482 об., 519 об.

⁷⁴ КВСР. – Т. 1. – С. 256–257.

⁷⁵ См.: Савельев Е. П. Войсковой круг на Дону: Исторический очерк. – Новочеркасск, 1908. – С. 2; Сватиков С. Г. Указ. соч. – С. 94; Фирсов Н. Н. Народные движения в России до XIX века. – М., 1924. – С. 35; Матвиевский П. Е. Типические черты примитивного демократизма в быту и сознании крестьянства XVII–XVIII веков // Героические страницы истории народов нашей Родины. – Челябинск, 1976. – С. 54; Смирнов И. И. и др. Указ. соч. – С. 134; Буганов В. И., Чистякова Е. В. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // Вопросы истории. – 1968. – № 7. – С. 43–45; Сахаров А. Н. Степан Разин – предводитель Крестьянской войны // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. – М., 1974. – С. 159.

⁷⁶ См.: Коган Л. А. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. – 1963. – № 2. – С. 91; Степанов И. В. Указ. соч. – Л., 1966. – Т. 1. – С. 151.

[с. 34]

Так получилось, что о практике «кругов» и «дуванов» на Дону в XVII – начале XVIII в. мы можем судить преимущественно по источникам, повествующим о бунтах и восстаниях, в которых главную роль играли донцы, а также по материалам их фольклора.

Поскольку донское общество было традиционным, ориентированным на обычай, «старину», то носителем важнейших знаний были «старые» (почтенные, заслуженные) казаки. Не случайно в некоторых песнях спасителем донцов, не выставивших караулы и оказавшихся беззащитными перед врагом, выступает «старик», «старый казак»⁷⁷. Из таких обычно и выбирались атаманы, есаулы, полковники и старшины. Кроме того, именно «старики» обладали решающим голосом на кругах⁷⁸.

Идеологическое обоснование такого порядка вещей можно усмотреть в донском фольклоре – например, в исторических песнях и преданиях о Ермаке, который считался родоначальником донских казаков. Песня, рассказывающая о выборах Ермака в атаманы, подчёркивает, что он – «старик», «не глупой казак». В другой песне о нём и его есауле говорится как о «стариках старых», «казаках стародавних»⁷⁹. Одно из преданий свидетельствует, что Ермак обращался в кругу лишь к атаманам и старшинам⁸⁰. Данное наблюдение согласуется с донской пословицей, подчёркивавшей ограниченность атаманской власти: «Атаман неволен и в докладе»⁸¹. Речь идёт о том, что на «кругу» атаман, предлагая обсудить какой-либо вопрос, выяснял сперва, стоит ли его разбирать, – если вопрос к обсуждению «стариками» не принимался, то атаман

уже не мог о нём докладывать⁸².

Анализ документальных материалов по истории антиправительственных выступлений с участием донцов приводит к выводу, что и тогда участие в «кругах» было ограниченным, причём из присутствовавших далеко не каждый имел право решающего голоса.

Характерным примером может служить «круг» в Паншине (апрель 1670 г.), на котором решался вопрос о путях зарождающегося вооружённого выступления под руководством С. Разина. Первым выступил сам Степан, предложивший соратникам решить, куда идти – «на море ли, по Волге или к иному царю служить». Далее слово взяли казацкие старшины, и оно оказалось решающим: «И в кругу старшина сказали ему, Стеньке, и всем казаком, что они иному царю служить не хотят: "А пойдём де мы все на Волгу на бояр и воевод"». После этого выступали только «казаки донские», причём они лишь обосновывали решение старшин и выражали готовность умереть за общее дело⁸³.

В подобном «кругу», созванном после взятия разинцами Царицына, опять-таки право решающего голоса принадлежало «природным» донским казакам (быть может, лишь они и участвовали в работе круга). Вот что сообщает источник: «А в кругу де он, Стенька, воровским казаком говорил: куда де им в Русь итить лутче – Волгою или рекою Доном? И ему де, Стеньке, воровские казаки в кругу говорили:

⁷⁷ См.: Исторические песни XVII века. – № 103, 104.

⁷⁸ См.: *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. – СПб., 1889. – С. 27–29; *Сватиков С. Г.* Указ. соч. – С. 119; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. – С. 163, 168, 172–173.

⁷⁹ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – № 354, 372.

⁸⁰ См.: Ермак легендарный... – С. 71.

⁸¹ *Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А.* Указ. соч. – С. 95.

⁸² *Савельев Е. П.* Указ. соч. – С. 2.

⁸³ КВСР. – Т. 1. – С. 253.

[с. 35]

итить де им рекою Доном не мочно, потому что де Дон река коренная, и как де запустошить украинные города, которые к Дону блиско, и у них де на Дону запасов не будет»⁸⁴.

Сходные сведения содержатся в источниках по истории восстания К. Булавина. Имеющаяся информация о «круге» в Пристанском городке (март 1708 г.) позволяет сделать вывод о его, так сказать, элитарном характере. На нём присутствовали не все восставшие, а лишь по 20 «лучших людей» из казацких городков, расположенных близ рек Хопра, Медведицы и Бузулука, а также ближайшие соратники К. Булавина⁸⁵. Когда же в начале апреля 1708 г. глава восставших заявил, что в Усть-Хопёрском городке «будет вся река в съезде», он опять-таки не имел в виду всех казаков Дона или хотя бы всех повстанцев поголовно. «Съезд» оказался собранием одних лишь повстанческих «полковников» и есаулов⁸⁶.

Неравенство имело место и при дележе донскими казаками трофеев.

Песни о «плаче молодца на дуване» скрытым образом выражают мысль, что при дележе военной добычи кое-кто может быть обделён и что это в принципе допустимо и нормально, хотя и вызывает печаль у обойдённого⁸⁷.

В принципе, можно согласиться с утверждением И. В. Степанова, который пишет, что из разинцев долю трофеев получали только те, кто был в повстанческой войске, причём величина пая зависела от личных заслуг и положения данного лица в повстанческой войске⁸⁸. Однако анализ источников, описывающих «дуван» после захвата Астрахани в июне 1670 г., заставляет сделать ряд уточнений.

Во-первых, Л. Фабрициус отмечает, что астраханский дуван был рассчитан на 1160 человек⁸⁹, между тем число разинцев, бравших город, было гораздо большим. Отсюда следует, что далеко не каждый член повстанческой организации принимал участие в дележе добычи.

Во-вторых, напрашивается вывод, что величина пая при дележе трофеев зависела не столько от боевых заслуг данного лица, сколько от его социального статуса – места (должности, звания) в организации восставших или же от его официального положения в обществе (т. е. вне повстанческой среды).

С одной стороны, после захвата Астрахани беглый крестьянин, приставший к разинцам ещё на Дону, однако не воевавший, ибо не имел оружия, получил «надел» в два раза меньше, чем те, кто был на приступе⁹⁰. С другой стороны, из рядовых повстанцев пай на «дуване» получили не только те, кто участвовал в штурме города, но и те, кто не участвовал в нём, однако имел большой стаж службы харизматическому лидеру восставших. Среди последних были, например, яицкие стрельцы, приставшие к С. Разину ещё во время Персидского похода или сразу после него, а также астраханские стрельцы, перешедшие на сторону восставших под Чёрным Яром⁹¹.

⁸⁴ КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 31.

⁸⁵ См.: Булавинское восстание (1707–1708). – С. 168–169, 378.

⁸⁶ См.: Там же. – С. 205.

⁸⁷ Исторические песни XIII–XVI вв. – № 303. – С. 490; *Тумилевич Ф. В.* Песни казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д., 1947. – № 57. – С. 65.

⁸⁸ *Степанов И. В.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 99.

⁸⁹ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – С. 57.

⁹⁰ КВСР. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 42–43.

⁹¹ КВСР. – Т. 3. – С. 263, 265, 267.

[с. 36]

В то же время рядовые казаки получили меньше своих командиров. Последним «досталось много платье соболье и лисье, и суелы (видимо, сулеи. – *О. У.*) серебряные, и сукна». Рядовые же повстанцы, разбитые на «десятки» (которые были ещё и первичной боевой единицей), получили – на десятерых – по такому паю: «два киндяка, 3 кумача, 10 ансырей шёлку, 3 сафьяна, 1 дороги, полотна аршин с 8, денег 20 алтын»⁹². Самого же С. Разина на дуване не было – «ему де, Стеньке, принесли, что ему понадобилось»⁹³.

Вот ещё примеры. В 1697 г. отряд из 130 казаков во главе с войсковым старшиной М. Фроловым захватил на Кубани трёх пленников и около 1200 коней, но в Черкасске на «дуване» казакам в раздел достались лишь пленники и «с 500 лошадей»⁹⁴. Интересная ситуация имела место в 1700 г. после очередного набега на «басурман»: предназначенные для рядовых казаков трофеи распределялись по «десяткам», причём величина пая различалась не только у представителей разных станиц, но и у «десятков» из одной и той же станицы. Доля на дуване была больше у казаков, которые были из тех же городков, что и походные командиры – атаман и «полковники»⁹⁵.

То, что неравноправие на «дуванах» в среде донских казаков и тех, кто им подчинялся, было обычной практикой, доказывают и примеры из истории булавинского восстания.

В начале апреля 1708 г. в Усть-Хопёрском городке повстанцы захватили «государевы хлебные запасы», приготовленные для отправки в Азов. При дележе добычи распределялись разные доли – по четверти⁹⁶, по две четверти и по три четверти хлеба на человека. Особое положение было у предводителя булавинцев, который, как и некогда С. Разин, обычно ещё до всеобщего «дувана» выбирал наиболее ценные или желаемые трофеи. Например, сразу после разгрома Сумского казачьего слободского полка К. Булавину по его приказанию были доставлены кони и «рухлядь»⁹⁷.

В том, что подобная практика не вызывала осуждения, усматривается влияние «казачьей обычности» – неписаных норм и традиций. Здесь можно ещё раз вспомнить о фольклоре,

воспитывавшем в донских казаках безусловное почитание атамана, – в частности, о пословице «Без атамана дуван не дуванят»⁹⁸.

Итак, демократизм донского населения в XVII – начале XVIII в. был весьма относительным. Да иначе и быть не могло в эпоху тотальной правовой стратификации –

⁹² Сулеи – маленькие бутылки с узким и продолговатым горлом, которые привешивались к поясу на цепи (в дороге); киндяк – крашенная набивная бумажная ткань; кумач (кумачи) – бумажная ткань преимущественно красного цвета; дорога (дороги) – полосатая или клетчатая шёлковая ткань; сафьян – тонкая и мягкая кожа, выделанная из козьих и овечьих шкур; ансырь – мера веса, с середины XVI в. равная фунту (409,512 г); алтын – 3 копейки или 6 денег; аршин – мера длины, с XVI в. равная 72 см (см.: *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М., 1992. – С. 158; *Зияев Х. З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. – Ташкент, 1983. – С. 165; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* – М., 1975. – Вып. 1. – С. 32, 39–40, 54–55; М., 2000. – Вып. 23. – С. 67; *Проништейн А. П.* Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над источниками. – М., 1967. – С. 33, 39, 41–42).

⁹³ КВСР. – Т. 1. – С. 256–257.

⁹⁴ РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1698 г. – Д. 3. – Л. 2.

⁹⁵ См.: Там же. – 1700 г. – Д. 2. – Л. 14–30.

⁹⁶ Четверть – мера ёмкости сыпучих тел, с 1679 г. равная 8 пудам или 209,91 л (*Проништейн А. П.* Использование вспомогательных исторических дисциплин... – С. 37).

⁹⁷ Булавиное восстание (1707–1708). – С. 202, 298.

⁹⁸ *Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А.* Указ. соч. – С. 95.

[с. 37]

сословной и корпоративной. На Дону неравенство полноправных и неполноправных дополнялось неравенством среди самих казаков, делившихся на «низовых» и «верховых», бедных и зажиточных («добрых»), рядовых и «знатных» и т. д.⁹⁹

Донской фольклор заставлял казаков постоянно помнить о том, что лишь они – полноправные граждане «Донской Либерии», причём подпитывал и психологическое отчуждение их от «голытьбы» и «бурлаков».

Так, одно из преданий о С. Разине, записанное в 1868 г., внушает мысль, что его дружба с колодниками обернулась позором для донских казаков, поскольку те из них, что пошли за ним, заклеили себя насилием и святотатством¹⁰⁰. В ряде исторических песен С. Разин осуждается за то, что «думу думал» не с казаками, а с «голубою» и «ярыжками кабацкими»¹⁰¹. Недопустимость подобного поведения для казака подчёркивают песни, где «голытьба» созывается на «круги» предателем, перебежавшим затем к туркам¹⁰², а также двумя братьями, о которых говорится, что «московцы они переходцы»¹⁰³.

Фольклорное противопоставление полноправных и неполноправных жителей Дона наглядно проявляется и в описании их властных органов: казачий «круг» отличается от собрания «голытьбы» тем, что казаки стоят под царским знаменем и золотым бунчуком¹⁰⁴.

Уже знакомая нам дифференциация «старых» и «молодых» казаков имела место не только на «кругах», но и в быту.

Документальные источники содержат сведения, что во время праздничных «бесед» (застолья) атаманы и старшины сидели отдельно от рядовых казаков¹⁰⁵. В исторических песнях азовского цикла описывается «беседа», выступающая неким неформальным органом власти, – так вот, участниками её называются «старички», в компанию которых допускаются лишь «атаманы и славные казаки»¹⁰⁶. Подобное положение дел не менялось даже во время восстаний, в ходе которых жители Дона воевали друг с другом. Вот пример: повстанцы, вошедшие вместе с К. Булавиным в сдавшийся им Черкасск (май 1708 г.), поселились и жили там «врознь: знатные по куреням, а бурлаки – по анбаром и по базам»¹⁰⁷.

Рассмотрим теперь массовые представления донских казаков о социальном статусе человека, сущности и роли авторитета.

Жителям Дона в XVII – начале XVIII в. было свойственно представление о том, что авторитет человека прямо пропорционален его социальному статусу – «чину».

⁹⁹ См.: Усенко О. Г. Терпи, казак... – С. 22–23.

¹⁰⁰ См.: Якушкин П. И. Указ. соч. – С. 412.

¹⁰¹ См.: Савельев А. М. Указ. соч. – С. 81; Исторические песни XVII века. – № 143–145, 161.

¹⁰² См.: Савельев А. М. Указ. соч. – С. 80; Исторические песни XVII века. – № 89, 90.

¹⁰³ См.: Листопадов А. М. Указ. соч. – С. 57.

¹⁰⁴ См.: Исторические песни XVII века. – № 150, 151, 153, 157.

¹⁰⁵ См.: РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 841. – Л. 4–5.

¹⁰⁶ См.: Исторические песни XVII века. – № 86–92.

¹⁰⁷ РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 1. – Оп. 2. – Л. 524. Курень – дом; баз – хозяйственная постройка: загон, скотный двор, закрытое помещение или навес для скота (Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003. – С. 30–31, 252).

[с. 38]

Отсюда, во-первых, проистекало уважение к тем, кто стоит на высоких ступенях социальной лестницы – как внутри казачьего сообщества, так и за его пределами, как «в миру», так и в церкви (если только эти лица не причислялись к «изменникам» – богоотступникам и врагам государя).

Например, в России до начала XVIII в. обращение к человеку по имени и отчеству с «вичем» было свидетельством крайнего уважения, ибо право именоваться таким образом принадлежало только лицам знатного происхождения – князьям и боярам. Так вот, и разинцы, и булавицы, говоря о своих родовитых противниках или обращаясь к ним напрямую, сохраняли в их отчествах «вич»¹⁰⁸. В 1706 г. донские казаки вступили в конфликт из-за земли, бывшей некогда вотчиной тамбовских епископов, с откупщиком – «гостем» И. Анкудиновым. Тем не менее они не отказались отобедать у него, более того – обращались к нему на «вич»¹⁰⁹.

Во-вторых, понимание авторитета, свойственное донцам, проявлялось в том, что они, обращаясь при необходимости к простому населению, живущему за пределами Войска Донского, искали контакта прежде всего с людьми, обладающими властными функциями или хотя бы относительно богатыми.

Так, в ходе восстания под руководством С. Разина его атаманы, рассылая «прелестные письма» по деревням и сёлам, обращались в первую очередь к старостам и выборным крестьянам¹¹⁰. Аналогичным образом поступали позднее К. Булавин и его атаман Н. Голый – среди адресатов их «прелестных писем» на первом месте стоят «начальные люди», старосты и прочие управители¹¹¹.

Можно полагать, что уважительное отношение донцов к «мужикам», пользующимся авторитетом у им подобных, не было наносным, т. е. уловкой. В противном случае те же разинцы не смогли бы привлечь на свою сторону ни одного деревенского богатея. Между тем восставшим это удавалось, причём богачи иногда оказывали им наиболее активную поддержку. Например, в 1670 г. «скудные и бедные люди» Тамбовского уезда хотели повиниться великому государю, но их «держали и унимали которые зажиточные люди», сносившиеся с разинцами¹¹².

В-третьих, жителям Дона в XVII – начале XVIII в. было свойственно типично средневековое представление о неразрывной связи внешнего и внутреннего в человеке.

Подразумевалось, что образ жизни, облик и поведение индивида должны соответствовать его «естеству» (земной сущности), которое, в свою очередь, определялось его «чином». Но равным образом перемены в одежде, быту и манере поведения человека были теми знаками, с помощью которых он публично демонстрировал свои притязания на новый социальный статус, фиксировал – для себя и для других – изменения в самооценке. Одновременно индивид ревниво следил за тем, чтобы окружающие признавали произошедшую с ним метаморфозу и оказывали ему подобающие знаки внимания.

¹⁰⁸ См.: КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 346, 425; Т. 2. – Ч. 2. – С. 157; Т. 3. – С. 233, 236; Письма и бумаги Петра Великого. – М.; Л., 1946. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 655.

¹⁰⁹ РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1706 г. – Д. 30. – Л. 31–31 об.

¹¹⁰ КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 346.

¹¹¹ См.: Булавинское восстание (1707–1708). – С. 450, 466.

¹¹² КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 423.

[с. 39]

Так, высшей почестью для донца-героя в древности был следующий ритуал: о его подвигах объявляли на «кругу», его поднимали на руки «лучшие» казаки и подбрасывали вверх с криками «Ура!»¹¹³

В 1688 г. черкасский казак Кирей Матвеев (Чурносов), принадлежавший тогда к числу «знатных старшин», отказался ехать в Москву в составе «лёгкой станицы». Он объяснил своё нежелание тем, что ему летом «ехать непристойно, потому что он войску заслужил и мочно ему ехать в зимовой станице» (участие в последней было не только более почётным, но и более выгодным). В конечном счёте его аргументы были приняты во внимание¹¹⁴.

Согласно Я. Стрейсу, после возвращения из Персидского похода разинцы (в недавнем прошлом – бедные казаки и «голытьба») носили одежды из шёлка, бархата и других дорогих тканей, подобающих лишь знати, причём у многих наряды были затканы золотом, а некоторые украшали свои шапки драгоценными камнями¹¹⁵.

Сообщает Я. Стрейс и о конфликте между С. Разиным и астраханским воеводой И. С. Прозоровским, вспыхнувшим из-за неуважительного отношения последнего к предводителю казаков (1669 г.). Когда воевода через своего посланника потребовал от Разина вернуть астраханских стрельцов, приставших к нему, атаман «охотников за зипунами» не смог сдержать своего гнева: «Добро же, передай своему начальнику Прозоровскому... чтобы этот малодушный и трусливый человек... не смел так разговаривать и повелевать и делать мне предписания, как своему крепостному, когда я рождён свободным и у меня больше силы, чем у него. Пусть стыд выест ему глаза за то, что он меня встретил без малейших почестей как ничтожного человека...»¹¹⁶

Теперь становится понятным, почему донской эпос о С. Разине причиной его антиправительственного выступления называет инцидент с астраханским воеводой, оскорбившим атамана – тем, что отобрал у Разина роскошную шубу, или тем, что посадил в тюрьму его сына¹¹⁷. Очевидно, для народных масс демонстративное неуважение было при определённых условиях достаточным основанием для того, чтобы задумать восстание или, по крайней мере, убить обидчика.

Не случайно, по-видимому, песенный Ермак убивает Ицламбер-мурзу, который не достаивал его своим вниманием, а здоровался лишь с князьями и боярами¹¹⁸. Скорее всего, не были чистым бахвальством и речи упомянутого выше К. Матвеева (Чурносова), который в 1688 г. выказывал себя оскорблённым из-за того, что не получил за Крымский поход жалованье сукном. Он обвинял в присвоении этого сукна князя В. В. Голицына и обещал, что «то де сукно зашумит во всё государство»¹¹⁹.

Свойственное донцам типично средневековое представление о связи внешнего и внутреннего в человеке требовало от них публичной демонстрации с помощью

¹¹³ Краснов Н. И. Указ. соч. – С. 86.

¹¹⁴ Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1872. – Т. 12. – С. 157–158.

¹¹⁵ Стрейс Я. Я. Указ. соч. – С. 200.

¹¹⁶ Там же. – С. 203.

¹¹⁷ См.: Якушкин П. И. Указ. соч. – С. 409; Исторические песни XVII века. – № 175, 176; Фольклор Дона и Кубани. – Ростов н/Д., 1938. – Сб. 1. – С. 44.

¹¹⁸ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – № 370. – С. 543.

¹¹⁹ КВСР. – Т. 3. – С. 387.

[с. 40]

невербальных «языков культуры» и своего нового отношения к лицу, потерявшему былой авторитет.

Так, астраханский митрополит Иосиф, обвинённый разинцами в сговоре с «боярами» (участниками предполагаемого заговора против царя), был сброшен с «раската» (крепостной стены¹²⁰), но предварительно с него сняли архиерейские одежды. Разоблачение происходило здесь и в прямом, и в переносном смысле¹²¹. Столь же явный «разоблачительный» характер носило и распоряжение С. Разина брить бороды всем пленным, а также не исповедывать и не хоронить умиравших стрельцов, раненных восставшими в боях за Царицын¹²².

* * *

Пришёл черёд поговорить об установках, ориентациях, стереотипах мышления и поведения, которые помогали донским казакам ориентироваться в социально-политической обстановке, действовать сообща в ходе конфликтов, планировать и оценивать свои действия.

В мышлении и поведении обитателей «Вольного Дона» в XVII – начале XVIII в. проявлялась такая черта традиционного (доиндустриального) менталитета, как «диффузное мышление» – мышление на основе «диффузных комплексов». Имеется в виду безотчётная экстраполяция (перенесение) шаблонных оценок, привычных схем и архетипов, «обслуживающих» небольшую сферу действительности, на гораздо более широкий круг объектов, явлений и событий для ориентации в мире и для осмысления, переработки и сохранения новой информации. Причём подобная «диффузия» затрагивает прежде всего те сферы сознания, которые лежат вне сферы практического и наглядного мышления¹²³.

Один из вариантов подобного мировосприятия – это неосознаваемая генерализация индивидом или группой своих привычных представлений, пристрастий и установок, вследствие чего взгляды и убеждения, намерения и поступки других индивидов или групп мыслятся по образу и подобию своих собственных.

Такого рода проявления «диффузного мышления» можно обнаружить, например, в донском фольклоре: дочь боярина ходит «в лес по ягоды» и там в одиночестве ночует, царевич пасёт коней¹²⁴, а «орда крымская» собирается «во едином круге» и «думу думает»¹²⁵. Казаки, разумеется, прекрасно знали, что татары – мусульмане, однако в донских песнях о взятии Казани Ермак, переодетый нищим, туда идёт не просто просить милостыню, но «христарадничать». Причём турецкий султан и казанский хан ведут себя с Ермаком точно так же, как и русский царь, – потчуют и жалуют его¹²⁶.

Воззвание С. Разина к тяглым людям Цивильского уезда, в том числе к исповедующим ислам татарам и чувашам, содержит призыв «стоять ... за дом Пресвятыя Богородицы (за православную церковь. – О. У.) и за всех святых... и за веру

¹²⁰ Под «раскатом» скорее надо понимать башню. – *Прим. ред.*

¹²¹ КВСР. – С. 183, 203, 214–217.

¹²² Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 30.

¹²³ См.: *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. – М., 1956. – С. 175–176.

¹²⁴ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – С. 54; *Тумилевич Ф. В.* Сказки казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д., 1945. – С. 67–69.

¹²⁵ Исторические песни XIII–XVI вв. – № 31; Исторические песни XVII века. – № 107.

¹²⁶ Исторические песни XIII–XVI вв. – № 361. – С. 525, 529, 547–548.

[с. 41]

православных христиан»¹²⁷. Разинские атаманы в письме к стрельцам Челнавского острога (своим противникам!) называли последних «атаманами-молодцами»¹²⁸, т. е. казаками, считая, очевидно, что стремление стать казаком не может не владеть умами других людей, раз оно столь естественно для восставших.

Аналогично мыслили и поступали участники булавинского восстания. Так, обращаясь к жителям «русских городов, сёл и деревень» (март 1708 г.), К. Булавин призывал стать не только за церковь, православную веру и государя, но и «за всё Великое Войско Донское». Два месяца спустя в своём письме к тем же людям булавинский атаман Н. Голый обещал в обмен на поддержку восставших дать «коней, и ружьё, и платье, и денежное жалованье»¹²⁹, т. е. наградить тем, о чём прежде всего мечтали казаки.

Конечно, донцы имели основания считать, что все слои трудящихся стремятся стать казаками, – такое убеждение подпитывал хотя бы непрекращающийся приток беглых на Дон. Однако те, кто оставался дома, кто по-прежнему нёс тягло, очевидно, слабо связывали свои интересы с чаяниями донцов. Но об этом восставшие и мысли не допускали.

Ещё одним вариантом «диффузного мышления» была метафоризация патриархально-семейной лексики – осмысление и обозначение желательных (предпочтительных) социально-политических отношений с помощью слов, обозначающих отношения в «нормальной» по тем временам семье.

Известно, к примеру, что С. Разина его соратники называли «отцом» и «батюшкой». Насколько можно судить, эти эпитеты стали применяться вскоре после возвращения его отряда из Персии. Я. Стрейс, говоря о пребывании разинцев в Астрахани (август – сентябрь 1669 г.), отмечает, что «простые казаки были одеты, как короли», и тем не менее во время бесед с Разиным «становились на колени и склонялись головою до земли, называя его не иначе, как батька или отец»¹³⁰. Сходное отношение к С. Разину сформировалось и у части донских казаков, не ходивших с ним в Персию, – у тех, кто ссужал накануне похода неимущих разинцев оружием и одеждой «для добыч исполу» (за половину будущей добычи). В сентябре 1669 г. кредиторы «с теми посыльщиками своими добыч делили», поэтому неудивительно, что и они стали звать С. Разина «отцом»¹³¹.

«Батюшкой» С. Разин оставался для его соратников и в 1670 г. – так его называли не только рядовые повстанцы, но и «войсковые атаманы»¹³². В этом смысле он стоял на одном уровне с бывшим патриархом Никоном, которого повстанцы тоже звали «отцом» и «батюшкой»¹³³.

За готовностью казаков и «голытьбы» видеть себя «детьми» С. Разина усматривается не только их благодарность за благополучие, достигнутое благодаря ему, не только свидетельство того, что атаман обрёл в их глазах высочайший авторитет, но и добровольное обязательство хранить ему полное послушание и неизменную верность.

¹²⁷ КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 91

¹²⁸ Там же. – С. 252.

¹²⁹ Булавинское восстание (1707–1708). – С. 450–451, 466.

¹³⁰ *Стрейс Я.Я.* Указ. соч. – С. 200.

¹³¹ КВСР. – Т. 1. – С. 154.

¹³² См.: Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 149, 252, 492.

¹³³ Там же. – С. 31, 109.

Вернувшиеся из Персии донцы «повиновались его малейшему знаку и были ему верны, как если бы он был самым великим монархом в мире»¹³⁴. И позднее – в 1670 г. – все распоряжения С. Разина мгновенно приводились в исполнение. Если же с этим медлили, то предводитель восставших впадал в ярость и швырял свою саблю, отказываясь от звания атамана и предлагая выбрать иного предводителя. Тут его ближайшие соратники «все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю и был им не только атаманом, но и отцом, а они будут послушны ему и в жизни, и в смерти»¹³⁵.

Важной чертой массового сознания донцов, живших в условиях традиционной культуры, была «ситуативность» («оказионность») их социально-политической терминологии, а значит и воззваний, лозунгов, программных заявлений. Речь идёт о прямой зависимости конкретного смысла ключевых слов (терминов) от ситуации, в которой они употребляются, от адресата и целей говорящего. В некоторых случаях одни и те же слова (одинаковые высказывания) могли иметь различный и даже противоположный смысл – пониматься то широко, то узко, то буквально, то метафорически.

Возьмём, к примеру, слово «бояре». В народе этим словом обозначались, как правило, крупные чиновники – носители высшей власти и главы региональной администрации, носящие, однако, не только боярский титул¹³⁶. Именно эти лица подразумевались в призывах С. Разина весной 1670 г., когда зарождалось антиправительственное восстание; именно они имелись в виду, когда Разин сообщал о целях движения – «изменников из Московского государства вывесть и чорным людем дать свободу». Но в июне 1670 г. на кругу в Царицыне он своим сподвижникам уже «говорил, чтоб им итить в Астрахань всем грабить купчин и торговых людей: недороги де им бояря, дороги де им купчин и торговых людей животы»¹³⁷. Как всё это объяснить?

Дело, думается, в следующем. С. Разин сначала не собирался идти на Астрахань, предполагая из Царицына «итить вверх Волгою к Москве». Он решил двинуться вниз по реке потому, что узнал о высылке против него отряда астраханских стрельцов под командованием его названного отца – князя С. Львова¹³⁸. Очевидно, руководитель восставших надеялся на то, что довольно легко нейтрализует эту угрозу и даже привлечёт князя и стрельцов на свою сторону (так оно и случилось)¹³⁹. Однако С. Львов принадлежал к «боярам» – был помощником астраханского воеводы, а значит, с точки зрения повстанцев, подлежал казни. Поэтому атаман восставших заранее скорректировал свои лозунги, чтобы в скором будущем сохранить жизнь князю. Таким образом, когда С. Разин говорил своим сторонникам, что «не дороги де им бояря», он имел в виду лишь одного человека – С. Львова.

Нечто подобное имело место и во время восстания под предводительством К. Булавина. Атаман Л. Хохлач 29 апреля 1708 г. послал письмо стольнику С. Бахметеву, пришедшему на реку Хопёр с войсками, в котором приветствовал «всех

¹³⁴ Стрейс Я. Я. Указ. соч. – С. 204.

¹³⁵ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – С. 54.

¹³⁶ Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. – М., 1986. – С. 71.

¹³⁷ КВСР. – Т. 1. – С. 237.

¹³⁸ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 51.

¹³⁹ См.: Стрейс Я. Я. Указ. соч. – С. 203, 208.

бояр». При этом повстанцы убеждали Бахметева «стать с ними заодно за веру христианскую. И им нет дела ни до бояр, ни до торговых людей, ни до черни, ни до солдат...»¹⁴⁰ Как видно, в данном случае смысл термина «бояре» сужается до минимума – это С. Бахметев и его помощники (очевидно, офицеры).

О том, что термин «бояре» был далеко не однозначным, свидетельствует и факт, что им разинцы и булавицы иногда обозначали воюющих против них «служилых людей» – карательные войска. Например, всё тот же атаман Л. Хохлач сообщал как-то в одном из писем, что «он на Соведе (Савала или Савола, приток Хопра. – О. У.) бояр побил»¹⁴¹.

Ситуативный, «случайный» смысл был иногда и у призыва «стать за дом Пресвятой Богородицы, за православную веру». Для участников булавицкого восстания этот лозунг означал борьбу с предполагаемыми врагами царя – «боярами» и «немцами»¹⁴². Для разинцев упомянутый лозунг тоже был призывом послужить государю, защитив его от «изменников», но имел и другой, дополнительный смысл: подразумевалась борьба за возвращение Никону патриаршего сана¹⁴³. Впрочем, призыв «порадеть за дом Пресвятой Богородицы, и за великого государя, и за батюшку за Степана Тимофеевича, и за всю православную христианскую веру» мог быть лишь предложением подключиться к восстанию или поддержать повстанцев материально¹⁴⁴.

Ситуативным было иногда и употребление эпитетов «отец» и «батюшка». Например, в письме казацким старшинам И. Зерщикову и В. Поздееву (апрель 1708 г.) К. Булавиц звал их «батюшками», памятуя, очевидно, об их покровительстве ему в недавнем прошлом¹⁴⁵. В данном случае речь идёт лишь о выказывании уважения, никаких обязательств социального характера лидер восставших не принимает. Иное дело – письмо Булавицы кубанским казакам-раскольникам. Здесь он, обращаясь к ним от имени «всего Войска Донского», величает их «батюшками-государями»¹⁴⁶.

Эпитет «государь-батюшка» устойчиво связан с фольклорным образом царя¹⁴⁷, поэтому его употребление в последнем случае можно интерпретировать следующим образом. Повстанцы дают понять, что от воли кубанцев зависит выполнение их самого насущного желания (в то время булавицы собирались уйти от царского гнева на Кубань), при этом повстанцы добровольно берут на себя роль младшей, зависимой стороны в предполагаемых отношениях верховенства–подданства.

* * *

Наконец, нужно охарактеризовать установки, стереотипы и взгляды, составлявшие «обыденную» основу религиозной веры донцов до начала XVIII в.

¹⁴⁰ Булавицкое восстание (1707–1708). – С. 230.

¹⁴¹ КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 160; РГАДА. – Ф. 9. – Отд. 1. – Оп. 2. – Л. 487.

¹⁴² См.: Булавицкое восстание (1707–1708). – С. 195–193, 203–204, 450–452.

¹⁴³ См.: КВСР. – Т. 1. – С. 253; Т. 2. – Ч. 1. – С. 31, 91; Т. 2. – Ч. 2. – С. 74, 94.

¹⁴⁴ См.: Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 252.

¹⁴⁵ См.: *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавицы. – М., 1962. – С. 39.

¹⁴⁶ Булавицкое восстание (1707–1708). – С. 463.

¹⁴⁷ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – № 292–294, 358; Исторические песни XVII века. – № 133.

Религиозность донских казаков отличалась прежде всего тем, что в их сознании она подчинялась понятию воинской дисциплины¹⁴⁸.

В XVII–XVIII вв. Область Войска Донского сохраняла автономию в церковно-религиозных делах. «Жители её, коль скоро встречали нужду в каком-либо распоряжении епископской власти, обращались не к ней непосредственно, а к своему войсковому начальству с просьбою ходатайствовать, пред кем следует, об удовлетворении их нужд. С другой стороны, никакое распоряжение епископа... не могло быть приведено в исполнение без согласия на то гражданского казачьего начальства»¹⁴⁹. Священник начинал служить на Дону не сразу после того, как получал «ставленную грамоту» и предъявлял её в Черкасске, а после того, как получал от «Войска» особое разрешение¹⁵⁰.

Судьба «старой веры» на Дону была решена тогда, когда войсковой «круг» постановил отказать от неё и от поддержки «раскольников» (1688 г.). С этого времени открыто придерживаться «староверия» было опасно, поскольку «заводчики к расколу» преследовались и подлежали казни¹⁵¹.

Однако то, что «никонианству» понадобилось более 30 лет, чтобы утвердиться на Дону, и то, что после 1688 г. многие донцы по-прежнему, хотя и тайно, исповедовали «старую веру»¹⁵², позволяет говорить о ещё одной черте местной религиозности – черте, роднящей донцов с русскими жителями других регионов России XVII–XVIII вв.

Речь идёт о так называемом «обрядоверии» – о чисто формальном, «внешнем» понимании религии, которая сводится верующими к совокупности привычных для них и наделяемых магической силой обрядов, текстов и предметов культа¹⁵³. «Обрядоверие» базировалось на той же массовой установке, которая породила представление о единстве внешнего и внутреннего в человеке. Эта установка заставляла фактически отождествлять знак и обозначаемое, религиозный символ и то, что за ним скрывается.

В массовом сознании «низов» российского общества до середины XIX в. (а может, и позже) не было разделения религиозного чувства и обряда, спиритуальных устремлений человека и его культовых действий. И то и другое охватывалось понятием «вера», в котором, однако, на первом месте стояла именно «внешняя», ритуальная сторона религиозности. Смысл ритуала был не в том, чтобы выразить и воплотить религиозное чувство, а, наоборот, в том, чтобы возбудить его, доказать его наличие и Богу, и окружающим, и даже самому человеку. В итоге «церковный обряд получил значение пропедевтического средства богопознания и в

¹⁴⁸ В немалой степени, очевидно, это обусловлено тем, что до середины XVIII в. на Дону было явно недостаточно храмов и священников. Например, в 1709 г. на 156 городков приходилось всего 19 церквей (из них 2 – в монастырях) и 5 часовен (*Кириллов А.* Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // СОВДСК. – Новочеркасск, 1906. – Вып. 6. – С. 8).

¹⁴⁹ *Правдин А. М.* Об отношении донских казаков к власти воронежских епископов в период церковной зависимости от воронежской епископской кафедры // Воронежская старина. – Воронеж, 1902. – Вып. 1. – С. 166.

¹⁵⁰ См.: Дополнения к Актам Историческим... – С. 130.

¹⁵¹ См.: Там же. – С. 137; РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1688 г. – Д. 12. – Л. 1.

¹⁵² См.: РГАДА. – Ф. 158. – Оп. 1. – 1702 г. – Д. 142. – Л. 8–8 об.; Оп. 2. – 1711 г. – Д. 20; Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 291. – Л. 11, 38–40; *Овсянников Е.* Булавинский бунт, как раскольническое движение на Дону // Воронежская старина. – Воронеж, 1914. – Вып. 13. – С. 145.

¹⁵³ *Очерки русской культуры XVII века.* – М., 1979. – Ч. 2. – С. 289.

[с. 45]

этом значении становился как бы рядом с основными источниками вероучения»¹⁵⁴.

Каковы же были конкретные проявления «обрядоверия»? Во-первых, имела место уверенность, что молитва действует сама по себе, автоматически, вне зависимости от того, как, с каким чувством и мыслями её произносят. Главное – чтобы ни одно слово не было изменено или переставлено. Нельзя было ничего менять и в религиозных обрядах. Во-вторых, считалось,

что при общении с Богом главным было выполнить некую совокупность ритуалов. Иначе говоря, духовная практика представляла обязательной для выполнения системой обрядовых действий. В результате религиозное чувство как бы отчуждалось от человека, а богопознание и богопочитание воспринимались как некое мастерство, умение правильно молиться, дабы успешнее вымаливать желаемое¹⁵⁵.

В связи с этим нужно сказать о ещё одной особенности массовой религиозности на Дону – о преимущественно утилитарном, практическом подходе казаков к вероисповеданию. Собственно говоря, это не было чем-то уникальным. Как и большинство простых русских людей в других регионах России, донские жители прежде всего интересовались магической стороной религии – стремились непосредственно влиять на окружающий мир с помощью молитв и ритуалов. При этом религиозные представления народа, не исключая донцов, далеко не во всём соответствовали канонам «официального православия».

Так, у обитателей Дона была особая «воинская магия», призванная обеспечивать удачу в походе и неуязвимость в бою.

Фольклорный герой Фёдор Тыринин перед сражением с «неверными» возносит молитву Богородице и одерживает победу¹⁵⁶. В одной из песен о взятии Казани донские казаки, идущие на вёслах вверх по Волге, обращаются к Богу, чтобы он не дал «с моря погоды»¹⁵⁷ (очевидно, сильного ветра и высокой волны¹⁵⁸). Магия защищает легендарного С. Разина от стрел, ружей и пушек, помогает ему ускользать от преследователей, сбрасывать кандалы, «отводить глаза» стражникам и убегать из темниц¹⁵⁹.

Репутация С. Разина как воина-волшебника стала складываться ещё при его жизни. Как сообщает источник, в 1667 г., когда разинцы отправлялись в Персию, они «мимо Царицына Волгою плыли, и с Царицына де стреляли по ним из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила – запалом весь порох выходил. А стояли от города в четырёх верстах, и присылали они на Царицын ясаула..., и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть. А дал им он, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пицаль, ни сабля, ништо не возмёт, и всё де войско они берегут»¹⁶⁰. Тем не менее в 1669–1670 гг. С. Разин дополнительно страховался – его духовный отец, чёрный поп Феодосий, «кладывал» на него заклятье «от стрельбы»¹⁶¹.

¹⁵⁴ Ключевский В. О. Очерки и речи: 2-й сборник статей. – Пг., 1918. – С. 422.

¹⁵⁵ См.: Ключевский В. О. Очерки и речи. – С. 436–437, 444–445.

¹⁵⁶ Тумилевич Ф. В. Песни казаков-некрасовцев. – № 12. – С. 32.

¹⁵⁷ Там же. – № 20.

¹⁵⁸ См.: Большой толковый словарь донского казачества. – С. 375.

¹⁵⁹ См.: Якушкин П. И. Указ. соч. – С. 406–407; Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Разине. – С. 290–291, 296, 304–305, 311; Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А. Указ. соч. – С. 104.

¹⁶⁰ КВСР. – Т. 1. – С. 136–137.

¹⁶¹ КВСР. – Т. 3. – С. 173.

[с. 46]

О том, что «воинская магия» была на Дону весьма распространена, свидетельствуют и такие примеры. Среди разинцев, действовавших осенью 1670 г. в Тамбовском уезде, был дьячок Ф. Попов, о котором источник сообщает: «Заговаривал де он, Федька, и заговоры писывал от ружья на 100 человек, а заговору де он, Федька, учился на Дону у казака»¹⁶². Аналогичным делом – написанием «заговоров от стрельбы» – занимался разинец В. Шубников (Кудрявцев)¹⁶³. Весной 1709 г. в руки властей попали трое булавицев «со многими заговорными воровскими письмами». Пленники не были донцами, однако «письма», которые у них обнаружили, были взяты ими «у побитых донских казаков»¹⁶⁴.

Любопытный пример непоколебимой веры в силу магических чар явил собой донской казак Емельян Щедрин. Весной 1718 г. он объявил «государево слово» и в ходе следствия сообщил, что может с помощью магии взять живьем «изменника» И. Некрасова (бывшего булавицкого атамана), который-де с кубанскими казаками и татарами собирался вскоре прийти «для разорения русских городов». Щедрин говорил, что он «пустит под них, воров, а сверху туман», и сделает это с помощью камня, вынутого из ворона, сидящего на яйцах. Казаку был доставлен такой ворон, и 2 июня в доме князя И. Ф. Ромодановского (главы Преображенского приказа) Емельян продемонстрировал свои магические навыки, но «действия никакого не показал». Незадачливый волшебник был наказан кнутом и 10-летней каторгой¹⁶⁵.

В известном смысле разновидностью «воинской магии» можно посчитать и обычай донцов совершать обедню и молебны святому Николаю перед выступлением в поход и сразу после возвращения из него¹⁶⁶.

Утилитарный подход к религии, характерный для обитателей Дона по крайней мере до середины XIX в., подразумевал их обращение к потусторонним силам и в повседневной, бытовой обстановке.

Об этом можно судить уже по старинному анекдоту, благодаря которому родилась поговорка «Да не все разом». Присловицей стали слова пьяного казака, который просил святых угодников помочь ему сесть на коня, но при посадке перекинулся через седло и упал. Можно вспомнить и религиозный обряд, бытовавший в XIX в. в станицах по реке Медведице: когда священник на Пасху ходил с иконами по дворам, хозяйки, угостив его и выпроводив из дома, становились лицом к дверям и махали передом своего платья, говоря: «Куда попы, туда и клопы»¹⁶⁷.

Повседневная религиозность жителей Дона включала в себя, помимо прочего, веру в оборотничество и существование «заложных» покойников – например, тех, которые охраняют клады. Об этом позволяют говорить материалы донского фольклора, в том числе и предания разинского цикла¹⁶⁸.

Анализ донского фольклора позволяет говорить и о том, что в массовом сознании донцов магическая практика регулировалась их представлениями о «своих» и «чужих».

¹⁶² КВСР. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 359.

¹⁶³ Там же. – Т. 3. – С. 323.

¹⁶⁴ Донесение Петру I Петра Апраксина (28 апреля 1709 г.). – С. 82–83.

¹⁶⁵ См.: РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 1189; Оп. 4 (справочная). – № 436.

¹⁶⁶ См.: Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. – С. 9–10.

¹⁶⁷ Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А. Указ. соч. – С. 97, 101.

¹⁶⁸ См.: Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов н/Д., 1929. – Стб. 36; Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Разине. – С. 316.

[с. 47]

Во-первых, местные былины исподволь настраивали слушателей на мысль, что колдовство против «своих» (единоверцев и единоплеменников) – это ересь, богоотступничество¹⁶⁹. Во-вторых, считалось, что данное преступление, а также богохульство и демонстративное неуважение к святыням влекут за собой неминуемую кару. Например, поражение С. Разина под Симбирском (4 октября 1670 г.) в некоторых преданиях объясняется тем, что он и его есаул стреляли в крест собора¹⁷⁰.

Кроме того, жителям Дона в XVII–XVIII вв. был присущ типично средневековый «тотальный символизм» – взгляд на окружающую действительность, которая в определённые моменты воспринималась как некая система знаков, исполненных тайного смысла, как некий текст, подлежащий прочтению и толкованию. Такие «знамения», судя по донскому

фольклору, обнаруживались, например, в поведении птиц и домашних животных (прежде всего коней и собак), наблюдаемых наяву или во сне¹⁷¹.

В связи с этим нужно отметить веру донских обитателей в то, что бывают вещие сны, и соответственно их веру в предначертанность и предсказуемость человеческих судеб. Песенный Ермак, оказавшись в тюрьме, клянёт «свою судьбу злодеюшку». Сходным образом в одной исторической песне объясняется и поражение С. Разина – так случилось не по его вине, а потому, что нашли его «беда со кручиною»¹⁷².

Итак, «субидеологический» пласт массового сознания донцов XVII – начала XVIII в. характеризовался не только уникальностью, но и типичностью, ибо жители Дона в сходных ситуациях вели себя так же, как русские обитатели иных регионов России. Впрочем, обоснование этого вывода требует детального сопоставления «социально-политических ментальных комплексов» указанных категорий населения, т. е. отдельного исследования.

¹⁶⁹ См.: *Тумилевич Ф. В.* Песни казаков-некрасовцев. – № 9.

¹⁷⁹ См.: *Тумилевич Ф. В.* Донской эпос о Разине. – С. 309.

¹⁷¹ См.: Исторические песни XVII века. – № 287–289; *Тумилевич Ф. В.* Сказки казаков-некрасовцев. – № 5, 9–12; *Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А.* Указ. соч. – С. 102.

¹⁷² См.: Исторические песни XIII–XVI вв. – С. 554; *Кравченко И. И.* Песни донского казачества. – Сталинград, 1936. – С. 30.